

РЕФОРМАЦИЯ: ПИСАНИЕ ПРОТИВ ТРАДИЦИИ?

Рецензия на книгу: *Hall H. A. Philip Melancthon and the Cappadocians: A Reception of Greek Patristic Sources in the Sixteenth Century. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 272 p.*

В рамках программы *Refo500*, призванной привлечь внимание к 500-летней годовщине Реформации в Европе, издательством «Vandenhoeck & Ruprecht» осуществляется выпуск серии исследований, посвященных этому, центральному для понимания многих последующих процессов в истории Европы, событию. Если обратиться к уже вышедшим в этой серии работам¹, то нельзя не заметить определенной тенденции в подходе современных исследователей к пониманию Реформации.

Во-первых, это стремление представить происходившие пять столетий назад события в возможно более широком контексте. Многие моменты, в силу глубокой вовлеченности спорящих сторон в полемику, ранее ускользавшие от внимания, становятся предметом внимательного изучения. В целом, думается, происходит сближение позиций католиков и протестантов в оценке реформационного движения, налаживаются мосты к диалогу. Воспринимаемые ранее как католиками, так и протестантами как однозначные и безвопросные положения реформационной доктрины, в современных исследованиях начинают светиться многими смыслами, предостерегающими от поверхностного их восприятия. Сведение реформационного учения к легко запоминаемому клише типа «только вера», «только Писание», «только благодать» и т. п., затеняя действительно имевшие место духовные борения и движения, уводит нас от возможности быть готовыми к новым духовным вызовам.

Во-вторых, междисциплинарный характер осуществленных исследований, что в свою очередь служит цели контекстуализации обсуждаемых вопросов. Поскольку Реформация явилась плодом многих сошедшихся воедино и взаимно влиявших процессов (богословских, исторических, социально-культурных, политических и т.п.), междисциплинарность становится неотъемлемым моментом историко-теологического исследования. В этой же связи стоит отметить и многоконфессиональный состав авторов, призывающий взглянуть на проблему с разных сторон.

В этом смысле не является исключением и рецензируемая книга Эшли Холла «Филип Меланхтон и каппадокийцы: Рецепция греческих патристических источников в шестнадцатом веке». Выросшая из диссертации автора под тем же названием, не лишенная, на наш взгляд, определенных недостатков, она тем не менее представляется весьма показательной и интересной.

---

¹ О программе *Refo500 Academic Studies* и вышедших в ее рамках книгах см.: <http://www.refo500.nl/rc/pages/242/academic-studies.html>

Как следует уже из названия, работа Холла посвящена роли и месту греческих патристических текстов, а точнее текстов каппадокийцев (для автора это Григорий Чудотворец, Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский), в формировании и обосновании собственно протестантской теологии Филипом Меланхтоном, одним из ведущих представителей и систематизаторов реформаторского учения, во многом благодаря которому протестантизм на уровне учения смог противостоять католической критике в реформационный и последующие периоды своей истории.

Книга состоит из пяти глав. Каждая из них заканчивается кратким подведением итогов и Дополнением-исследованием, знакомящим читателя с перечнем текстов каппадокийцев, имевших хождение в Германии XVI в., которые могли быть доступными Меланхтону.

В первой главе «Понимание Меланхтоном патристического авторитета», служащей введением к последующему изложению, автор позиционирует Меланхтона в свете его одновременной близости к гуманизму, ведущим представителем которого был Эразм Роттердамский, и к Реформации, возглавляемой Мартином Лютером. Холл справедливо отмечает, что долгое время на Меланхтона смотрели как на несамостоятельного мыслителя, выискивая у него влияние либо Эразма, либо Лютера, отчего данный мыслитель представлялся «падающим» то в одну, то в другую сторону в зависимости от исследовательского, чаще всего конфессионально обусловленного предпонимания. Определяя место Меланхтона между гуманизмом и Реформацией, Холл демонстрирует, что понимать его как мыслителя, подпадавшего под влияние разных сторон, неверно. У него была собственная, внутренне обоснованная позиция по многим принципиальным вопросам. Одной из задач автора (с чем он неплохо справился) было показать Меланхтона как вполне оригинального мыслителя, создавшего «достаточно успешный вариант синтеза между наступательной лютеранской теологией и приверженностью классической и патристической традиции, служащей разработке и защите христианской веры. Это подразумевает исследование [его наследия], имея в виду собственные взгляды Меланхтона, а не то, насколько плохо или хорошо он соответствует Лютеру или Эразму» (с. 28).

Во многом первая глава посвящена описанию процессов, имевших место в предреформационный и реформационный периоды. Данный раздел весьма интересен для приступающего к изучению Реформации, но не более, поскольку представляет собой скорее неплохой реферативный обзор, нежели самостоятельное, с использованием источников исследование. В первую очередь в опоре на Т. Венгерта, Э. Руммель, Л. Спица и К. Маншрека Холл отмечает как неадекватное деление реформационного движения на два внутренне противоборствующих лагеря — гуманистов и реформаторов. И это верно, поскольку модель «Эразм — Лютер», ярко выраженная в полемике по вопросу о свободе воли в деле спасения и часто являющаяся главной интерпретационной матрицей в процессе преподавания и обучения, оставляет за бортом многих видных деятелей Реформации, к примеру В. Капито, И. Эколампадуса, М. Буцера и в определенной степени Меланхтона. Холл следует предложенному П. Кристеллером и принятому большинством современных исследователей различению гуманизма и

реформаторов, как различению скорее методологического плана, когда под «гуманизмом» понимается интерес к гуманитарным наукам (филологии, истории, поэтике, этике) и использование достижений гуманитарных наук для теологических целей. Гуманизм был воспитательной программой, не лишенной теологических предпосылок и стремлений и не противоречащей реформационному движению. Он был методом, а не теологической позицией. Поэтому, будучи гуманистом, можно было быть (или не быть) реформатором, и наоборот, будучи реформатором, быть (или не быть) гуманистом.

Меланхтон был высокообразованным мыслителем, применявшим свое мастерство гуманиста к теологическим вопросам; убежденным, что гуманистическое искусство призвано помочь человеку в прикосновении к евангельской Вести. Подобный подход определял особое отношение Меланхтона к истории, с теологической точки зрения демонстрирующей греховную поврежденность человека и одновременно спасающее Божественное действие. Языческие философы, как он понимал, «не только слепо стремились к истине, но делали это с онтологически верным внутренним чувством, намерением и размышлением, а иногда — и с верным результатом. Сам Господь приветствовал интегральность их поисков универсально значимой истины, оттачивая их лингвистическую технику в выражении истины и призывая человеческие существа к самопознанию и блаженству» (с. 45). Если языческая традиция обладает подобными достоинствами, то тем более, по Меланхтону, это должно быть верно для традиции христианской. Здесь можно выделить несколько положений, принимаемых Меланхтоном в отношении к традиции²:

- 1) чем ближе по времени христианские авторы к земной жизни Христа, тем большего доверия они заслуживают, поскольку их теология была библейской, опирающейся на Писание, а не на собственные догадки;
- 2) в случае разногласия между отцами Церкви необходимо идти к их библейским источникам и ими поверять истинность высказанного;
- 3) необходимо учитывать исторический контекст; к отцам необходимо приближаться *через* историю, а не помимо нее;
- 4) ничто не должно быть преподаваемо в Церкви, не имевшего прецедента в ней;
- 5) согласие пророков и апостолов вершиннейшим образом выражено в первоначальном учении Католической Церкви, являющемся консенсусом Церкви в отношении Писания и опирающемся на него, поэтому все последующие формулировки должны быть углублением данного консенсуса и находиться внутри Писания, а не за его пределами; иными словами, это подразумевает *Scriptura primum et verum*, но не *sola Scriptura*;
- 6) рассмотрение последующих церковных установлений в качестве ключа для понимания одного действительного смысла Писания, являющегося образцом всех последующих церковных установлений (с. 46).

² В данном случае Холл реферативно воспроизводит работу: *Fraenkel P. Testimonia Patrum: the Function of the Patristic Argument in the Theology of Philip Melanchthon*. Droz, 1961. P. 193–199.

Следует особо акцентировать, что — да, действительно — для Меланхтона Писание является первым, к чему необходимо обратиться как к истинному и незамутненному источнику, но это ни в коей мере не означает, что необходимо обратиться лишь *единственно и исключительно* к Писанию. Позиция Меланхтона более широка, чем *sola Scriptura*. Обращение к Писанию во времена Меланхтона не было чем-то из ряда вон выходящим, по мысли многих, в том числе и католических теологов XVI в., церковная жизнь начала подвергаться искажению в годы правления папы Григория Великого (590–604), когда политические и разного рода внецерковные силы (в частности, философия) стали затенять чистоту и полноту церковной жизни. В этом смысле и обращение к патристике не было ни случайным, ни удивительным, «все соглашались, что отцов следует читать, однако не было согласия в том, кого именно читать в первую очередь, и тем более в том — как они должны быть прочитаны» (с. 25). Именно это станет одной из главных проблем в размежевании протестантов и католиков. Все читали примерно один круг текстов, но вычитывали разное.

Наряду с Августином важнейшими христианскими авторами для Меланхтона были каппадокийцы. Их высочайший авторитет признавался и католиками, и реформаторами и мог служить достойным аргументом в богословском споре. К примеру, Лютер на Лейпцигском диспуте утверждал, что с определенностью знает, что Василий Великий и Григорий Нисский находятся на небесах, несмотря на то что они не знали ни одного папского декрета. По многим принципиальным вопросам в лице каппадокийцев Меланхтон нашел себе авторитетную поддержку. Определяющим для Меланхтона в обращении к каппадокийцам было следующее:

- 1) центром их богословия было Писание и *solus Christus*;
- 2) они принимали оправдание верой;
- 3) основываясь на Писании, не привносили в учение ничего нового;
- 4) не смешивали христианское учение с философией;
- 5) каппадокийцы явили Меланхтону близкое его собственному понимание Церкви как школы, в которой соединены воедино христианское учение, образование и благочестивая деятельность;
- 6) у них он находит призыв к истинному католичеству и неприятие первенства папы, пример борьбы с искажениями церковной жизни и ересями, а также образец истинно христианского выстраивания отношений Церкви с императором.

Меланхтоновский способ понимания каппадокийцев сфокусирован не только на содержании, но и на контексте, в котором артикулировалось определенное содержание веры. Хотя ранняя Церковь была «золотым веком» христианства, это для него не означало, что ранние отцы не могли ошибаться; однако Меланхтон был твердо убежден, что, несмотря на людскую слабость, истинная Церковь всегда сохраняется Божественной благодатью.

Вторая глава «Меланхтон и греческие патристические источники» посвящена исследованию того, какие именно патристические тексты могли быть доступны Меланхтону, а также были использованы им для артикуляции собственной богословской позиции.

В работе «О Церкви и авторитете Слова Божия» (1539) текст Василия Великого «О смиренномудрии» имеет для Меланхтона первостепенное значение в качестве защиты протестантского понимания оправдания: спасение по благодати Божией, только через Христа, без каких-либо предварительных заслуг.

Интересно, что, сталкиваясь при этом с трудностью интерпретации в протестантском духе утверждения Василия о превосходстве монашеского образа жизни, Меланхтон не отказывается от его наследия, а защищает его, утверждая, что, во-первых, многие монашеские правила приписаны Василию уже после его смерти. Такими же добавлениями, по Меланхтону, являются места, где Василий говорит о безбрачии и уделяет большое внимание внешней стороне церковного ритуала. Здесь, говорит Меланхтон, Василий должен быть понят в современном ему контексте, тот же, кто сегодня продолжает повторять эти положения из ложно понятой любви к древности, говорит Меланхтон, попросту нездоров (с. 87–88).

На призыв Василия к монашеской жизни Меланхтон отвечает и другим способом, что во времена Василия монашество было настоящим монашеством: жизнью единственно ради Христа. Оно было обучением смирению и оправданию верой, а не тем, во что оно превратилось позже — в формальное монашество (с. 97). Также Меланхтон не придает значения внешним (физическим) чудесам, столь популярным в Средние века.

Имевший место меланхтоновский критицизм по отношению к каппадокийцам не делает для него их авторитет недействительным. Для Меланхтона каппадокийцы представляются древним и сбалансированным приближением к истинному учению Церкви, определяющим в котором является возвешение Христа как укорененное в Писании и отрицающее любой вид самооправдания. Каппадокийцы для него важны в качестве признаваемого всеми исторического примера, наследниками которого Меланхтон признает себя и своих соратников по реформационному движению.

О принципиальной значимости каппадокийцев для Меланхтона свидетельствует следующий факт, приводимый автором книги: на двух дошедших до нас портретах Меланхтона Лукаса Кранаха Младшего этот мыслитель изображен держащим книги, в которых прочитываются цитаты из Василия Великого (Беседа 20 «О смиренномудрии»: «Апостол же выражается: *хваляйся, о Господе да хвалится*, говоря, что Христос *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление; да, якоже пишется, хваляйся о Господе да хвалится* (1 Кор 1. 30–31). Ибо это — совершенная и всецелая похвала о Боге, когда человек не превозносится своею праведностию, но знает, что он имеет нужду в праведности истинной, и оправдан одною верою во Христа»³) и Григория Богослова («*Вся добродетель приходит от Бога, однако она дается тем, кому обещано, а не тем, кто противится*»⁴) (с. 100–103).

Главы третья, четвертая и пятая посвящены привлечению Меланхтоном аргументов от каппадокийцев в полемике, соответственно, с радикальными ре-

³ Творения Василия Великого. М., 1993. Ч. 4. С. 313.

⁴ «*πάν τὸ κατορθούμενον παρὰ θεοῦ ἐστὶ, δέδοται δὲ τοῖς καλούμενοις καὶ οὕτω γενέσθαι*» — Холл относит это к парафразу отрывка из Слова 37, 13 Григория Богослова (PG 36. Col. 297; CPG §3010).

форматорами, с Римо-Католической Церковью и во внутререформационных спорах.

В том, что Реформация опирается на Августина, нет ничего нового или удивительного, но, как обращает внимание Холл, удивительным и неожиданным является то, что следующим по значимости христианским автором в полемике с католичеством в вопросе оправдания верой и по степени доверия к нему для Меланхтона становится Василий Великий, чьи беседы «О смиренномудрии» и «О покаянии», наряду с Августином и Павлом, играют первостепенную роль в защите реформаторской позиции. К примеру, Меланхтон цитирует или отсылает к уже приведенному отрывку из «О смиренномудрии» Василия Великого в связи с вопросом об оправдании не менее десяти раз (с. 150–151). Согласие лучших представителей западной и восточной теологической мысли в этом вопросе было для Меланхтона дополнительным подтверждением того, что современная римо-католическая мысль оторвалась не только от западной теологической традиции (установленной Августином), но и от более глубокой первоначальной традиции библейской интерпретации (с. 148–149).

Автор обращает наше внимание на то, что тот же самый отрывок из «О смиренномудрии» реформистски ориентированные теологи эразмовского толка использовали в качестве утверждения прирожденной силы человеческой воли, способной самостоятельно возжелать спасения и двинуться в его направлении (с. 155).

Для Меланхтона Василий является примером истинного учителя веры и епископа, всей жизнью засвидетельствовавшего преданность Христу. В этой связи заслуживает внимания приводимый автором отрывок из лютеровского «Виттенбергского Артикула» (1536): «...если люди выдающегося характера, способные к ведению жизни по правилу, чувствуют желание провести свои жизни в монастыре, мы не хотим запрещать им при том условии, если их учение и богослужение остаются незамутненными» (с. 166). Каппадокийцы, по Меланхтону, удовлетворяли этим требованиям.

Подводя итог, надо сказать, что работа Холла достойна внимания как, во-первых, уточняющая наше понимание процессов, имевших место в период рождения Реформации, о которых у современного, тем более российского, читателя обычно имеется примитивно-шаблонное представление, укладывающееся в жесткие формулы типа «вера или разум», «традиция или Писание», «Бог или человек», «свобода или рабство воли» и т. п. Во-вторых, на примере Меланхтона демонстрируется глубокий интерес к каппадокийцам во времена Реформации и влияние, оказанное ими на реформационное движение. Протестантская мысль не столько отрицала предыдущую и рождала свою, новую, традицию, но — что более важно — выростала из предыдущей церковной традиции. Это не было простым отвержением предыдущего и некритично-эгоистическим принятием своего, нового, но было процессом значительно более сложным и противоречивым.

Определенной слабостью работы Холла можно считать ее в основном реферативный характер, без серьезного обращения к источникам Меланхтона. Также в книге нередки повторы одних и тех же мыслей в разных главах, вплоть до их словесного совпадения.

Тем не менее книга заслуживает внимания, как дающая достаточно адекватное представление об уровне, тенденциях и состоянии дел в научном исследовании Реформации западными авторами, и ее можно посоветовать приступающим к изучению богословской мысли Реформации.

Сергей Сергеевич Пименов
(канд. филос. наук; ПСТГУ; pimenov2001@gmail.com)

«СКАЗАНИЕ...» ИНОКА ПАРФЕНИЯ В СИТУАЦИИ НАИВНОГО ЧТЕНИЯ

Рецензия на книгу: Бузько Е. А. «Сказание» инок Парфения в литературном контексте XIX века. М.: Индрик, 2014. 282 с.

«Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святой Горы Афонской инок Парфения», вышедшее из печати в 1855 г., оказалось крупнейшим литературным событием этого года и одним из наиболее значительных на протяжении ближайших лет, уже в 1856 г. потребовав второго издания. На него откликнулись многие значительные литераторы и публицисты — рецензии написали столь разные авторы, такие как Н. П. Гиляров-Платонов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин¹, собирався писать рецензию А. А. Григорьев, в письмах и устных беседах «Сказание...» активно обсуждали еще в 1858 г. Это тем более примечательно, что ни ранее, ни позднее тексты подобного рода столь пристального внимания не привлекали — интерес к «Сказанию...» был интересом исключительным, одновременно связанным и с типовой принадлежностью текста, и с его индивидуальными особенностями.

Особенно важно то, что «Сказание...» сделалось предметом обсуждения и внимательного чтения тех, кто особенного интереса к «духовной» литературе не проявлял или, по крайней мере, для кого подобная литература не входила в состав обычного, рядового чтения. Ко времени появления «Сказания...» «духовная» и «светская» литература успели давно разойтись — собственно, с этим и связан успех «Путешествия...» Андрея Муравьева, где автор выступает посредником между средами, к тому моменту уже основательно дистанцировавшимися

---

¹ Рецензия М. Е. Салтыкова (1857), готовившаяся для помещения в «Библиотеку для чтения», редактируемую в тот момент А. В. Дружининым, правда, так и не появилась. Сразу же отметим, что, по мнению Е. А. Бузько, аргументируемом в данной работе, ныне известный как «второй вариант» неопубликованной рецензии представляет собой законченный текст — и, следовательно, вопрос ставится уже не о причинах, по которым работа Салтыкова осталась не завершена, а о причинах ее непоявления в печати. Последние, на взгляд Бузько, заключаются в ставших явными для автора противоречиях его собственного отношения к «Сказанию...» (см. гл. 6).